

Лит. газ. 1981, 2 дек, № 49

Егор
ИСАЕВ:

«НЕ ПОКИДАТЬ УНИВЕРСИТЕТЫ ЖИЗНИ»

С 12 по 16 ноября в Воронеже проходило выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР на тему «Молодая литература России» (к пятилетию постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью»).

Для участия в важном разговоре сюда приехала большая группа российских писателей, среди них — председатель правления СП РСФСР С. Михалков, секретарь правления СП СССР Е. Исаев, секретари правления СП РСФСР А. Алексин, В. Поволлев, М. Шевченко, главный редактор еженедельника «Литературная Россия» Ю. Грибов, главный редактор журнала «Юность» А. Деметьев, главный редактор журнала «Наш современник» С. Викулов, главные редакторы издательства и журналов Российской Федерации, руководители областных писательских организаций, прозаики и поэты М. Дудин, Д. Кугультинов, Е. Носов, П. Проскуряк, В. Санги, А. Чепуров и другие.

С докладом «Писательская смена России» выступил секретарь правления СП РСФСР, главный редактор журнала «Литературная учеба» Ал. Михайлов.

Участники заседания встретились с тружениками Воронежа и области, со студентами и преподавателями воронежских вузов, курсантами военных училищ.

Состоялся прием в обкоме КПСС.

Наш корреспондент Л. Полухина обратилась к Егору Исаеву с рядом вопросов, касающихся выездного заседания секретариата правления Союза писателей России.

— Егор Александрович, каковы ваши впечатления о работе секретариата?

— Разговор был конкретным, деловым, доверительным, без парадности, благодушия, раздачи неумеренных похвал. Все было на равных. Мастера, если можно так сказать, не стремились польстить, подыграть начинающим литераторам, и те, в свою очередь, серьезно, ответственно воспринимали сказанное в их адрес. Да могло ли быть иначе? Ведь в постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», я бы сказал — в постановлении-заботе, подчеркивалось, что работа с молодыми должна строиться на чутком, уважительном отношении к ним в сочетании с требовательностью и принципиальностью.

Большую работу провел Воронежский обком КПСС по подготовке и организации выездного секретариата.

Созданию деловой атмосферы заседания в большой мере способствовали вступительное слово С. Михалкова и доклад Ал. Михайлова, который я назвал бы раздумьем, обстоятельным разговором-размышлением о нашей литературной смене.

— Как изменился, на ваш взгляд, облик прозаиков, поэтов, критиков, входящих в литературу сегодня, по сравнению с их предшественниками, дебютировавшими в середине семидесятых?

— Критик В. Деметьев говорил о поэте Викторе Верстакове, это — молодой

человек. Мы читали в «Правде» его прекрасные репортажи об армии, мы читали его стихи. Это не под стеклянными крышами и при электрическом освещении вращенная поэзия. Это земная поэзия, овеянная ветрами, исхлестанная дождями, страстная и — зрелая. Для меня Верстаков — пример настоящего писателя, поэта, журналиста.

Однако я не склонен наделять сегодняшнюю молодежь какими-то особыми чертами и вообще выделять ее. Писатель есть писатель: понятие это заключает в себе и талант, и ответственность перед ним, и образованность, и творческую зрелость... Ухо не принимает словосочетание «Пушкин — молодой поэт» или «Горький — профессиональный прозаик». Само по себе понятие «писатель» неизмеримо больше, чем «молодой», «профессиональный».

Конечно, молодой писатель, если он действительно писатель, да еще молодой по возрасту — это очень хорошо. Но, к сожалению, у нас бывает так: не очень молодой по возрасту, а называется молодым писателем. Почему это происходит? Почему при всей великой нашей заботе о начинающих — так точнее — авторах их средний возрастной уровень держится где-то у тридцатипятилетней отметки?

Думаю, что одна из причин лежит в некоторой отор-

ванности учебных общеобразовательных программ от реальной жизни, от труда. Наши юноши и девушки пребывают в затяжном детстве, я бы сказал, на некоем издвигенческом пенионе в обществе, что тормозит процесс их гражданского и личностного взросления, отдалает социальную зрелость.

К иным эти качества не приходят и с высшим образованием. ...Был один хороший колхоз, а в нем — хороший председатель с семиклассным образованием. Он вышел на пенсию, и его место занял дипломированный специалист. За семь лет он развалил колхоз. Я нашел в себе силы сказать ему при встрече: «А я бы снял вас с высшего образования! Ведь образование, которое дал вам народ, не для вас только, не для вашей гордыни, не для вашего самоопущения, а для дела образцово-образцового, для народа».

Е. Носов в своем выступлении правильно говорил о пользе высшего образования для литератора. Но образование — это еще не все. Быть образованным и не любить, не знать своего дела, не уметь делать его — это быть более чем необразованным. В Советском Союзе много университетов. Но есть университет и университеты, те, о которых писал Горький: сама жизнь. Вот Евгений Иванович говорил, если бы Астафьев да был с высшим образованием еще с юности, если бы уже тогда он обладал большой культурой, набранной из книг, он, имея иную полосу разбега, писал, может быть, еще больше и еще лучше.

А я бы хотел спросить моего друга Носова: «А тогда с какого же аэродрома он мог подняться?» У Астафьева аэродром пережитого. У него не университет, но университеты, как, кстати, и у самого Носова. И если судить о них сегодня по их творчеству, по общению с ними, то и образованы они в общепринятом смысле, смело скажу, высоко. Значит, наवरстали упущенное...

Язык у писателей, взращенных самой жизнью, —

это тоже имеет прямое отношение к разговору о вступающих в литературу — индивидуальным, они несут миру свое «собственное слово», о котором так хорошо сказал в своем выступлении С. Михалков. Язык же иных, излишне увлекающихся книжностью, я назвал бы искусственным, перетонченным, переэстетизированным. Всячески приветствуя образование, я страшусь «переобразования» книжного и «недознания» жизни в литературе, боюсь, что это может омертвить живое.

— Полезное наставление молодым. Что бы вы еще хотели пожелать им? От чего предостеречь?

— Я пожелал бы им, повторю, ближе стоять к жизни, к конкретике ее. Что-то я редко встречаю сейчас писателей молодых и средне-молодых, которые бы горели желанием работать в газете или журнале. А ведь большая литература почти вся вышла из дела, из работы в печати, из окопов вышла — из жизни, словом. Есть поэты, особенно, я знаю, поэты, которые говорят: а зачем мне изучать жизнь, когда я живу в воспаренности, в отвлеченности некоей? А я скажу: и воспаренность, и отвлеченность не исключают вдохновения, а оно, в свою очередь, не исключает, а предполагает основательность знания жизни. Есть, напротив, и такие, которые бегут образования, боясь, что оно дурно повлияет на «природность», «естественность» их дарования. Также заблуждение.

Я очень приветствую воронежского поэта Олега Шевченко. Он работает в партийной газете «Коммуна», возглавляет один из важнейших отделов — отдел сельского хозяйства. Он работает в газете давно, и она не убила в нем поэтического чувства слова. При такой будничной, серьезной, подвижнической должности он пишет стихи истинно одухотворенные и правдивые, полезные стихи, нужные людям.

В области была засуха, и я говорю воронежским поэтам: «А где ваше трагическое слово о засухе? Где слово

надежды, веры во имя преодоления этого трагического?» Любят у нас говорить, что есть вечные темы — жизни и смерти, любви и ненависти (не отсюда ли и в творчестве начинающих мотивы тоски, потусторонности какая-то?)... А тема труда, который в далекие века с четверенек поставил человека вертикально и сделал его затем таким мудрым и образованным, — это не вечная тема? Это самая извечная тема — удивляться труду рук человеческих, его души, мозга. Там, там океан непознанного, там наипервейшее достоинство человека. И туда надо идти первооткрывателю.

— Выступавшие на пленарном заседании уделяли много внимания вопросу писательской профессионализации молодых литераторов, то есть переходу их, если можно так выразиться, в писательский профсоюз. Одни предостерегали от ранней профессионализации, другие приветствовали ее. Предвидя ответ, все-таки задам вам вопрос: как вы относитесь к этой проблеме?

— При всем уважении моему к понятию «профессия» я нахожу его недостаточным для определения подвижнического труда и призвания писателя, и считать себя писателем лишь при проблесках литературных задатков, на мой взгляд, преждевременно и опасно. Писателем, о чем говорил в своем выступлении Г. Н. Троепольский, надо не именовать, а быть. Успех складывается не только из натренированного чисто литературного мастерства, навыков, приемов, а из глубокого знания предмета, о котором пишешь. Поэтому я против раннего перехода поэтов в писательство. Особенно поэтов, так как среди них бывает заблуждение, что конкретное знание жизни им не так уж и необходимо.

Писатель должен много знать, много делать, встречаться с обыкновенными людьми, жить для них, находить необыкновенное в этих обыкновенных людях, работать с ними бок о бок, не покидать университеты жизни, которые и дадут ему право называться писателем, быть им,